

ОБРАЗНЫЕ ДЕТАЛИ В РОМАНЕ Л. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

А н н о т а ц и я . В фокусе внимания исследования находятся тематическое и мотивное своеобразие второй части романа «Анна Каренина» Л. Толстого. Применяется поэтический анализ текста, который ориентирован на выявление новой семантической информации. Рассматриваются отдельные аспекты процесса сближения образных деталей и вербальных знаков, таких как свет, блеск, треск и другие. Помимо оппозиции огня и воды также изучаются связанные с ней дискурсивные выражения образов героев, включая Анну, Каренина и Вронского. Эти образы анализируются с учетом нарративной перспективы, жанровой структуры и символических кодов, формирующих не только индивидуальную судьбу героев, но и общую структуру второй части романа. Особое внимание уделяется тому, как посредством визуальных сравнений и метафор проявляется внутренняя трансформация героев и как нарастает трагическое напряжение, подготавливающее кульминацию.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Л. Толстой, «Анна Каренина», мотивная структура, метафорические компоненты, образные детали

Д л я ц и т и р о в а н и я : Молнар А. Образные детали в романе Л. Толстого «Анна Каренина» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 3. С. 55–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1301

ВВЕДЕНИЕ

Роман Л. Толстого «Анна Каренина»¹ традиционно рассматривается как произведение, в центре которого – моральные и психологические конфликты, развернутые в контексте семейных и общественных отношений. Однако столь же значимыми для понимания художественного своеобразия произведения являются глубинные мотивы, метафорические связи и повторяющиеся жестовые сцены, которые несут в себе дискурсивную смысловую нагрузку. Актуализация новых ракурсов прочтения текста показывает, что подобный подход уточняет сложившиеся в толстоведении интерпретации и освещает его наиболее сложные фрагменты и ключевые смысловые узлы² [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14], [15], [16], [17].

Если обратить внимание на повествовательное и текстовое представление этих компонентов, можно утверждать, что, тогда как в начале соответствующих фрагментов произведения подробно описываются речь, жесты и движения главных героев, к их завершению на первый план выходят *дискурсивные выражения образов*. Анна – самый трудноподдающийся однознач-

ной трактовке персонаж романа, что обуславливает необходимость его детального анализа сквозь призму нарративных деталей и дискурсивных компонентов.

* * *

Примечательно, что даже такие универсалии, как «огонь» и «вода», переосмысляются в романе Л. Толстого «Анна Каренина», и исследование разворачивания подобных деталей и мотивов позволяет по-новому осветить взаимоотношения героев. Это наблюдение подтверждается и сценой сближения Анны и Вронского в салоне Бетси Тверской. Бетси вовлекает Анну в обсуждение любви, словно выводя ее на «чистую воду». У Анны – «твердая» улыбка, не совместимая со светлой радостью и оживленностью, обычно озарявшей ее лицо при виде Вронского. Героиня отвечает на вопрос, играя снятой перчаткой, возможно, чтобы скрыть смущение. Таким образом, она дает нейтральный ответ – мол, есть разные виды любви; услышав это, Вронский вздыхает, словно они избежали «опасности» (146).

Во время чаепития (см. реализацию мотива воды через категорию горячего) и кажущее-

гося светским, поверхностным разговором Анна и Вронский продолжают беседу о любви. Героиня говорит о разрыве их отношений, но в то же время побуждает Вронского поступить наоборот. Ее лицо между тем словно вспыхивает: «вся пылая жегшим ее лицо румянцем» (147). Это особенно важно, поскольку ее образ метафоризируется через **огонь**. При словах о необходимости расставания на ее лице появляется новая одухотворенная красота, поражающая Вронского. Отметим, что если метафора «огонька» в характеристике Бетси символизирует нечто плутовское, то в семантическом поле Анны (см. «огонек замигал в ее глазах») – неправду: она прикрывает требование любви к себе словами о раскаянии перед Кити. Сам же Вронский предлагает взамен себя целиком – и не осознает пропасти между их позициями, а видит лишь два возможных исхода: счастье или несчастье.

Сцена их прощания у дома Бетси насыщена аналогичными нарративными, а порой и дискурсивными деталями. Серый конь Карениных так же ведет себя строптиво из-за «кусачего», резкого холода, как Вронский, который и у кареты продолжает говорить с Анной о любви. Анна слушает его с восхищением, одновременно отцепляя кружево рукава от крючка на шубке, то есть распутывая и слова, и действия, и мысленно соглашается с его высказыванием о единственном возможном счастье – в любви. Хотя она и называет это слово «гадким», ее запрет на его произнесение на деле поощряет Вронского – повторять его, утверждая, что Кити была ошибкой, и опровергать Аннины сомнения, будто для нее это слово значит больше, чем для него, то есть в самом деле «всю жизнь». Вместо слов – ее взгляд, рука, жесты воздействуют на Вронского как огонь: «прожгли его» (147), и он осознает, что цель, которую он преследовал, почти достигнута. Герои действительно скоро станут любовниками, а Каренину останется лишь определить свою роль в этих новых обстоятельствах.

Каренин находит уединенную беседу жены с другим мужчиной неприличной лишь потому, что так она выглядит в глазах общества. В тексте романа эта беседа обозначена как «оживленная», то есть живая, так сказать «огненная», – в противоположность пустому светскому злословию. Когда Каренин, ссылаясь на религиозные предписания, рассуждает о своем долге указать жене на ее обязанности перед мужем и Богом, он тем самым снимает с себя ответственность. Он утверждает, что разрыв брачных уз есть преступление, которое «влечет за со-

бой тяжелую кару» (155). Таким образом, произнося слово «**кара**», он бессознательно тематизирует значение собственной фамилии (см. также: «карета»). Позднее он рационально конструирует официальную речь, которую намерен изложить Анне.

В тексте романа слова героев отличаются и по другому признаку: каков жест – таково и слово. Так, Анна выражает свое недовольство речью мужа, говоря, что ей не нравится, когда он «**трещит**» пальцами (154). Это действие представляется ему жестом аккуратности, однако на уровне сюжета оно может коннотировать аналогичное поведение героя по отношению к жене – ее «сломление». Напомним, что осуждение светом «падшей» Мальтищевой сравнивается в тексте с треском костра: «разговор весело затрещал, как разгоревшийся костер» (142). Суд и смех сопровождают фигуру и историю Мальтищевой, однако она не подвергается такому позору и преследованию, как Анна. В данном случае и метафора огня отличается от образа осужденной Анны, совершающей в глазах общества непростительный поступок – стремление испытать подлинную любовь, страсть, в которой проявляется ее категоричность и несветскость.

Добавим, что в романе действия рук героев часто повторяются, создавая параллели между персонажами, но при этом приобретают разное значение в каждом конкретном случае. В противоположность подчеркнутой сухости Каренина (ср.: треск пальцев), неоднократно подчеркиваются красивые, пухлые пальцы Анны, что приобретает особую смысловую нагрузку в сценах ее взаимодействия с Вронским. При изображении неудавшегося разговора супругов нарратор вновь акцентирует внимание не на мыслях и чувствах героини, а на ее действиях: Анна вынимает шпильки из волос. Она замечает лишь, что лицо мужа становится все менее привлекательным и мрачным, а сама начинает лгать. Игра с предметами в этом случае выражает ее возбужденное душевное состояние, она не служит успокоению, а также заменяет собой правдивую речь. В сцене, где героиня играет кистями «башлыка», вещь метафорически соотносится с блеском ее лица посредством звуковых повторов (153).

Отметим, что мир аристократии в романе обозначается как «свет балов, обедов, блестящих туалетов» (134). Однако «**свет**» здесь не является подлинным, и в случае главной героини также указывает на сокрытие истины от мужа. Это значение вскрывается через противопоставление

оживленности Анны, связанной с ее любовным чувством, поскольку действие этой страсти в тексте часто метафоризируется глаголом «светиться». Возникновение страсти у героини сравнивается с «ужасом» огня, с «блеском» в презентации ее образа, когда она приходит домой: «Лицо ее блестело ярким блеском; но блеск этот был не веселый, – он напоминал страшный блеск пожара среди темной ночи» (53).

В отличие от общения с Вронским, образ Анны, слушающей холодного Каренина, предстает как угасший огонь: «потухла насмешливая искра во взгляде» (155). Она возмущается, что Каренин мог произнести слово «любовь», не понимая его значения. Слова мужа воспринимаются героиней как заведомо ложные, поскольку его демонстративный физиологизм – быстрый сон и мерный храп – обнажает его неспособность к эмпатии. Анна же ночью продолжает переживать произошедшее и испытывает «преступную» радость. При этом нарратор указывает и на противоположное: «блеск» глаз героини становится особенно заметным в темноте – как ей казалось, «она сама в темноте видела» (156), когда размышляла о любви. Позднее, после скачек, при мысли о последнем свидании с Вронским ее кровь словно «зажигается», она испытывает страх, но одновременно мечтает о лице Вронского в «фантастическом свете» (224). Подобная метафора, в которую развертываются предыдущие сравнения, возможно, предвещает трагическое развитие событий и подчеркивает решимость Анны достичь экзистенциального максимума в любви. Наоборот, образ **воды** ассоциируется с заботой о здоровье Каренина: он ежегодно ездит на воды, чтобы восстановиться после зимней работы и обрести новую энергию. Однако теперь врач предупреждает его о проблемах с печенью, что может свидетельствовать о его болезненных семейных отношениях. В тексте используются те же метафоры, связанные с натянутыми струнами и их разрывом («наляжьте тяжестью пальца на натянутую струну – она лопнет» (225)), что и в описании состояния Анны в вагоне поезда после бала с Вронским. Здесь прослеживается метафорическое сближение со «звуком лопнувшей струны» у Чехова: подобная деталь фиксирует момент предельного напряжения, за которым следует окончательный распад привычного мира героев. Возбужденные нервы Каренина напоминают **треск**, и его мысли о тщетных попытках обуздать жену сравниваются с неудачной попыткой «потушить пожар» (**огонь**): «...я не стану объ-

ясняться... говорил он мысленно, как человек... рассердился бы на свои тщетные усилия и сказал бы... “так сгоришь за это!”» (212). В этом сравнении образ Анны снова соотносится с огнем: герой как бы бросает ее, чтобы она сгорела дотла. Свой гнев Каренин выплескивает и на их общего сына, холодно осмеивая его.

Вода метафоризируется в связи с Сережей именно как **море**. Сын Анны мешает ее любовным отношениям с Вронским: «был помехой», поскольку он каренинский, однако до Вронского он занимал все сердце Анны (195). Развернутое сравнение мальчика с компасом мореплавателя отсылает к ощущению нравственного отклонения: «и что признаться себе в отступлении – все равно, что признаться в гибели» (196). Кроме того, как конкретизация метафоры описывается сцена, в которой Анна ждет мальчика, ушедшего гулять и застигнутого дождем.

Дождь портит землю для скачек, становится грязно, словно образуется болото, даже дождевая туча мешает успешному проведению скачек. Приближаясь к даче Анны, Вронский радуется дождю – теперь он может надеяться застать Анну дома и одну. Внутренние состояния героев параллелизируются с изменениями в природе: солнце выходит после дождя, освещая сад, «и с ветвей весело капала, а с крыш бежала вода», и все блестит «мокрым блеском» (194). Сравним: глаза Анны светятся страстным блеском. В отличие от Каренина, Вронского радуется вид живой, реальной Анны, однако он, как и Каренин, не способен обсудить с ней тяжесть и неясность их положения. Анна же прямо отказывается от таких разговоров, несмотря на то что ее на самом деле беспокоит сложность любовного треугольника и ее беременность, но повествование переключается с анализа ее чувств на образ природы. Так, в тексте романа сближаются образы героев и природы, в частности в контексте зарождения новой жизни. Испытывая жар (см. «разгоряченное лицо» (196)) и прикасаясь к холодной лейке, Анна мечтает полностью принадлежать Вронскому, как мужу, но одновременно боится потерять любимого сына. Это внутреннее противоречие приводит к ее признанию Каренину, выбору любви, а затем и неизбежной гибели под поездом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, поэтика романа «Анна Каренина» строится не только на уровне сюжета и морализаторских дилемм, но и через систему повторяющихся образов, жестов, телесных ощущений

и природных метафор, которые символически кодируют внутренние конфликты персонажей. Оппозиция «огонь» и «вода» не просто структурирует сюжетную динамику романа, но и задает ключ к интерпретации его поэтической архитектуры. Анна, представляемая через метафорические образы огня, жесты и слова, противопоставляется холодному, «водному» Каренину и обществу, которое он олицетворяет. Вронский, хотя и ближе к Анне, также не способен разрешить это противоречие между естественным чувством и нормативным порядком. Поведение героев, их характерологические изменения зависят не только от событийной логики, но и от нарративной

и дискурсивной репрезентации этих событий. Возникающие противоречия настолько доминируют над персонажами, что меняются их взаимоотношения, в итоге трансформируются и сами образы героев. Бинарные оппозиции через поэтические формы переосмысливаются в перспективе возрождения и возможного выхода из тупика человеческих отношений. Вместе с тем нарратив подчеркивает и постепенное разрушение героини, таким образом воплощая движение от любви к смерти как неизбежный результат отказа от компромисса с реальностью. Трагедия Анны Карениной в итоге раскрывается как поэтически мотивированная гибель.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 18. М.: Худож. лит., 1934. 571 с. Далее текст цитируется по этому изданию. Номера страниц указаны в круглых скобках.
- ² Суркова Ж. Л. Поэтика романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003. 17 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева В. Г. Символика в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2010. № 4. С. 88–92.
2. Ахметова А. Г. Мифологический лейтмотив в романе Льва Толстого «Анна Каренина» // Фольклор народов России. Уфа, 2006. С. 83–94.
3. Басинский П. В. Подлинная история Анны Карениной. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. 384 с.
4. Ветловская В. Е. Поэтика «Анны Карениной» (система неоднозначных мотивов) // Русская литература. 1979. № 4. С. 17–37.
5. Гужиева Н. В. Изображение «красносельских скачек» в «Анне Карениной» Л. Толстого: Жизненный прообраз, функция в романе, парадоксы критики // Очерки истории Красного Села и Дудергофа. СПб., 2007. С. 339–355.
6. Денисова Э. И. Образы «света» и «тьмы» в романе «Анна Каренина» // Яснополянский сборник: Статьи, материалы, публикации. Тула, 1980. С. 95–104.
7. Ерёмин Л. И. Свет как символ и реальность в романе Л. Толстого «Анна Каренина» // Русская речь. 1978. № 1. С. 11–18.
8. Завершинская Е. А. «Слово» и «тело» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. Т. 2. С. 110–114.
9. Исрапова Ф. Х. «Роман – эмблема» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Тью/ипология дискурсов. М.: РГГУ, 2020. С. 193–201.
10. Леннkvист Б. Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: Анна Каренина. М.: Языки славянской культуры, 2010. 128 с.
11. Мигранова Л. Ш. Метафора как фрагмент ценностной картины мира Л. Н. Толстого (на материале романа «Анна Каренина») // Вестник Башкирского университета. 2008. № 4. С. 967–971.
12. Набоков В. В. Лекции по русской литературе: Пер. с англ.; Предисл. Ив. Толстого. М.: Независимая газета, 1999. 440 с.
13. Райков А. А. «Анна Каренина». Пять сочинений // Нева. 2016. № 1. С. 191–211.
14. Сливичкая О. В. О многозначности восприятия «Анны Карениной» // Русская литература. 1990. № 3. С. 34–47.
15. Чересюк П. А. Метафора как средство словесно-художественной креативности Л. Н. Толстого (на материале романа «Анна Каренина») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 9. С. 2705–2709.
16. Шарафутдинова К. Р. Портретная деталь в экспозиции романов «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и «Мадам Бовари» Г. Флобера: рецептивно-нарратологические стратегии // Рема. 2014. № 1. С. 5–13.
17. Kovács A. Test és karizma az “Anna Karenina” című regényben // Szenvedély, Formák, Vallomások. Pozsony: Kalligram, 2020. P. 160–176.

Поступила в редакцию 09.06.2025; принята к публикации 19.01.2026; дата публикации 31.03.2026

Original article

Angelika Molnar, PhD, Dr. habil., Institute of Slavic Studies,
University of Debrecen (Debrecen, Hungary)
ORCID 0000-0002-7896-1480; mandzsi@gmail.com

FIGURATIVE DETAILS IN LEO TOLSTOY'S NOVEL *ANNA KARENINA*

Abstract. The research focuses on unique themes and motifs of the second part of Leo Tolstoy's novel *Anna Karenina*. The article uses poetic analysis of the text aimed at identifying new semantic information. Some aspects of the process of convergence of figurative details and verbal signs are considered – such as light, shine, crackling, etc. Besides the opposition of fire and water, the associated discourse manifestations of the images of heroes, including Anna, Karenin, and Vronsky, are also studied. These images are analyzed taking into account the narrative perspective, genre structure, and symbolic codes that form not only the individual fate of the characters but also the general structure of the second part of the novel. Particular attention is paid to how the inner transformation of the characters is manifested through visual comparisons and metaphors, and how the tragic tension that leads to the culmination of the novel grows.

Keywords: Leo Tolstoy, *Anna Karenina*, motif structure, metaphorical components, figurative details

For citation: Molnar, A. Figurative details in Leo Tolstoy's novel *Anna Karenina*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(3):55–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1301

REFERENCES

1. Andreeva, V. G. Symbolism in Leo Tolstoy's novel *Anna Karenina*. *Vestnik of Kostroma State University*. 2010;4:88–92. (In Russ.)
2. Akhmetova, A. G. Mythological leitmotifs in Leo Tolstoy's novel *Anna Karenina*. *Folklore of the peoples of Russia*. Ufa, 2006. P. 83–94. (In Russ.)
3. Basinsky, P. V. True story of Anna Karenina. Moscow, 2022. 384 p. (In Russ.)
4. Vetlovskaya, V. E. Poetics of *Anna Karenina* (system of ambiguous motifs). *Russkaya literatura*. 1979;4:17–37. (In Russ.)
5. Guzhieva, N. V. Depiction of the “Krasnoye Selo horse races” in Leo Tolstoy's *Anna Karenina*: Real-life prototype, function in the novel, paradoxes of criticism. *Essays on the history of Krasnoye Selo and Duderhof*. St. Petersburg, 2007. P. 339–355. (In Russ.)
6. Denisova, E. I. The images of “light” and “darkness” in the novel *Anna Karenina*. *Yasnaya Polyana collection: Articles, materials, publications*. Tula, 1980. P. 95–104. (In Russ.)
7. Eryomina, L. I. Light as symbol and reality in Leo Tolstoy's novel *Anna Karenina*. *Russian Speech*. 1978;1:11–18. (In Russ.)
8. Zavershinskaya, E. A. The “word” and the “body” in Leo Tolstoy's novel *Anna Karenina*. *Problems of interpretation in linguistics and literary studies*. Novosibirsk, 2004. Vol. 2. P. 110–114. (In Russ.)
9. Israpova, F. H. “Novel – emblem” in Leo Tolstoy's *Anna Karenina*. *Tu/yptology of discourses*. Moscow, 2020. P. 193–201. (In Russ.)
10. Lönnqvist, B. Journey into the depths of the novel. Leo Tolstoy: *Anna Karenina*. Moscow, 2010. 128 p. (In Russ.)
11. Migranov, L. Sh. Metaphor as a fragment of the value picture of Tolstoy's world (based on the novel *Anna Karenina*). *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2008;4:967–971. (In Russ.)
12. Nabokov, V. V. Lectures on Russian literature. Moscow, 1996. 440 p. (In Russ.)
13. Raikov, A. A. Anna Karenina. Five works. *Neva*. 2016;1:191–211. (In Russ.)
14. Slivitskaya, O. V. On the ambiguity of the perception of *Anna Karenina*. *Russkaya literatura*. 1990;3:34–47. (In Russ.)
15. Cheresyuk, P. A. Metaphor as a means of L. N. Tolstoy's literary and artistic creativity (by the material of the novel “Anna Karenina”). *Philology. Theory & Practice*. 2021;14(9):2705–2709. (In Russ.)
16. Sharafutdinova, K. R. Portrait detail within the exposition of the novels “Anna Karenina” by L. Tolstoy and “Madame Bovary” by G. Flaubert: receptive and narrative strategies. *Rhema*. 2014;1:5–13. (In Russ.)
17. Kovács, Á. Test és karizma az „Anna Karenina” című regényben. *Szenvedély, Formák, Vallomások*. Pozsony, 2020. P. 160–176.

Received: 9 June 2025; accepted: 19 January 2026; published: 31 March 2026